

Сколько он себя помнил, его перепродавали из дома в дом: в лютые зимы запирали в дровяном сарае под кучей соломы, в знойные летние дни заставляли босиком ползать по земле, играя роль собаки для хозяйского сына. Его продавали снова и снова, и неизменными оставались лишь сарай, побои, голод, холод и въевшийся в кости страх.

Когда ему было семь, он не выдержал и попытался броситься в колодезь, чтобы покончить с собой — тогда его и остановили нынешние приёмные родители.

Он до сих пор помнил тот момент отчаяния: приёмная мать, Чжан Мэйлинь, присела рядом с ним, словно сама богиня милосердия. С сочувствием сжала его руку и сказала: «Глупый ребёнок, если не побрезгуешь нашей бедной крестьянской семьёй, мы готовы дать тебе тёплый дом».

На её лице почти всегда была улыбка; она постоянно хвалила его за трудолюбие, говорила, что он, ещё маленький гер, работает проворнее собственного отца. Ради этих слов Хэ Бянь вкалывал до изнеможения.

Они просто воспользовались его желанием отплатить за добро, его жаждой семьи — медленно, по капле, перерезали ему жилы, пили его кровь, поедали его плоть, пока он не умер без достойного конца.

Когда он умер, не нашлось ни одного человека, кто бы забрал его тело. Лишь тот, кого все боялись и считали дураком, дал ему покой в земле.

Какой же нужно иметь жестокое сердце, чтобы сейчас, не моргнув глазом, напоминать ему о "благодеении воспитания".

Но сейчас было не время окончательно срывать маску с Чжан Мэйлинь.

Он был один, без всякой опоры, а деревня Тянь была местом, где род и клан держались друг за друга особенно крепко.

Ему оставалось лишь действовать осторожно, шаг за шагом выстраивая себе путь к спасению.

Чжан Мэйлинь не сводила с Хэ Бяня пристального взгляда. Увидев его колебания, она уже решила, что всё идёт, как и прежде. Но Хэбянь молчал.

Сжав побелевшие, пересохшие губы, он на мгновение замер, а затем тихо, с оттенком вины, произнёс:

«Мама, я не виню младшего брата за то, что он забирает мой брак. Он младше — о нём и правда нужно больше заботиться. Ты ведь сама не раз говорила мне наедине, что его судьба стала лучше благодаря моей счастливой звезде, что я — наше семейное счастье... и что он — долг, который тебе достался из прошлой жизни, поэтому я должен ему уступать. Я всё понимаю».

Поначалу Чжан Мэйлин слушала с удовлетворением, но к концу её лицо постепенно застыло. Не успела она его остановить, как Тянь Ваньсин, позеленев от злости, уже поднял руку, чтобы ударить Хэ Бяня. Чжан Мэйлин поспешно встала между ними.

Тянь Ваньсин с детства был избалован, вырос с характером избалованного барчука — терпеть подобные слова он не мог.

В его глазах, если родной сын и приёмный вступают в ссору, попытка примирить их уже сама по себе означает пристрастие.

С детства он недолюбливал Хэ Бяня, а после того как Чжан Мэйлин устроила тому помолвку с семьёй сюцая, его обида лишь усилилась.

Даже деревенские, встречая его, сочувственно качали головами — никто не понимал, почему мать, заботясь о будущем, отдаёт такую выгодную партию чужому.

Так выходит, этот "чужой" — он сам?

Чем больше Тянь Ваньсин думал об этом, тем сильнее росла его обида. Он закричал на Чжан Мэйлин:

«Мама, и ты ещё говоришь, что не пристрастна?! Такой хороший брак ты отдаёшь постороннему! Он потом будет жить в достатке, носить золото, каждый день есть белый рис и мясо, а тебе плевать, как будет жить твой родной сын — ты толкаешь меня прямо в огонь! Если ты не признаёшь меня своим сыном, то и я не признаю тебя матерью!»

От его крика и ярости даже куры и утки во дворе замерли, втянув головы.

«Пах!»

Чжан Мэйлин, дрожа, ударила сына по щеке.

Скопившийся за весь день гнев наконец прорвался.

Тянь Ваньсин недоверчиво схватился за лицо, его широко раскрытые глаза мгновенно наполнились отчаянными слезами, кулаки сжались.

«Мама, ты... ты ударила меня из-за Хэ Бяня!»

«Раньше стоило мне хоть слегка удариться — ты уже не находила себе места от тревоги, ни разу за всю жизнь не подняла на меня руку! А теперь, когда пришло время моей свадьбы, ты начинаешь меня бить! У меня что, нет чести?!»

«Я всё расскажу отцу!»

Лицо Чжан Мэйлин окончательно лишилось прежнего спокойствия. Недаром говорят: чрезмерная любовь к ребёнку губит его. Как она могла, приложив столько усилий, вырастить такого глупца?

Глубокое чувство бессилия нахлынуло на неё: кровь словно прилила к запястьям, пальцы задрожали, указывая на Тянь Ваньсина, губы дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но не могла.

Хэ Бянь тоже широко раскрыл глаза — в их глубине едва не мелькнула радостная злорадность. Он поспешно прикрыл лицо, изобразив испуг и попытку спрятаться, и на мгновение уставился глазами в глаза с растерянной уткой напротив.

Лишь на мгновение он прикрылся, а затем вдруг осознал: он снова, по привычке, прячется при столкновении с конфликтом. Хотя за десятки лет, проведённых духом, его единственным навязчивым желанием была месть.

Это был отличный шанс.

Хэ Бянь тут же шагнул между ними, дрожа, раскинул руки, заслоняя собой Тянь Ваньсина, и, обернувшись к Чжан Мэйлин, заговорил:

«Мама, не бей младшего брата, прошу тебя, не бей его! Это я плохо за ним смотрел, если нужно — бей меня!»

Тянь Ваньсин, взбешённый, тут же схватил Хэ Бяня за плечо, собираясь ударить. Чжан Мэйлин притворно пыталась их разнять, но оба они, непривыкшие к тяжёлому труду, уступали Хэ Бяню в ловкости.

В этой суматохе Хэ Бянь незаметно несколько раз со всей силы наступил им на ноги.

Тянь Ваньсин от боли едва не ослеп, ярость вспыхнула ещё сильнее. Он поднял руку и ударил — но Хэ Бянь ловко пригнулся и уклонился.

В следующий миг во дворе воцарилась странная тишина — только Чжан Мэйлин стояла, прикрывая лицо, ошеломлённая.

Тот "шлёпок" прозвучал оглушительно.

Сила удара была такой, словно он хотел одним ударом сломать шею.

Левая щека Чжан Мэйлин на глазах начала опухать, даже глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Хэ Бянь невольно коснулся своей щеки и поспешно прикрыл рот, скрывая поднимающуюся улыбку.

Тянь Ваньсин замер, затем губы его задрожали, в глазах мелькнули сожаление и испуг — и он вдруг развернулся, собираясь уйти.

Чжан Мэйлин, вне себя от ярости, закричала:

«Если сегодня ты выйдешь за порог этого дома — можешь больше никогда не возвращаться!»

Тянь Ваньсин замер на месте. Увидев это, Хэ Бянь поспешно поддержал Чжан Мэйлин, поглаживая её по груди, словно заботливый сын, и торопливо заговорил с тревогой:

«Младший брат, не горячись, не зли мать. Посмотри на себя — ты связался с кем-то, да ещё и поднял руку на мать, а она даже не ударила тебя... Мама, он ещё мал и наивен, просто вспылит. Тебе ведь больно? Не сердись на него, не вреди себе».

Эти слова словно искры упали в кипящее масло.

Тянь Ваньсин, будто поймав лису за хвост, поспешно закричал, обращаясь к Чжан Мэйлин:

«Мама, ты слышишь?! Он специально подливает масла в огонь, сеет между нами раздор! Хочет выставить себя таким правильным, а меня — непочтительным! Хэ Бянь вовсе не такой простой и глупый, каким ты его считаешь — он куда хитрее!»

Хэ Бянь ошеломленно посмотрел на него, в глазах отразилась боль. Он лишь робко поднял взгляд на Чжан Мэйлин:

«Мама... неужели младший брат правда так меня ненавидит? Я всегда думал, что он просто иногда на меня сердится...»

Увидев его растерянный, полный слёз взгляд, Чжан Мэйлин поспешно взяла его за руку, утешая, и сердито посмотрела на Тянь Ваньсина.

Она уже чувствовала усталость.

Разве она не знала, какой Хэ Бянь по натуре? С самого детства — робкий до глупости. Если бы такие слова сказал Тянь Ваньсин, это было бы явным раздором и дурным умыслом. Но если их говорит Хэ Бянь — значит, он и правда так думает.

Если бы у него были хоть какие-то хитрые намерения, разве позволил бы он Ваньсину столько лет помыкать собой? Разве дал бы ей самой держать себя в полном подчинении, работать до изнеможения ради её похвалы?

Не может же быть, чтобы после сегодняшнего происшествия он вдруг изменился — шестнадцать лет глупой покорности не исчезают в одночасье.

Сейчас важнее было удержать его, не дать ему начать задумываться.

Вдруг этот дурачок возьмёт да и поумнеет — тогда с ним станет куда сложнее.

Чжан Мэйлин, нахмурившись, усиленно подмигнула Тянь Ваньсину, давая понять, и строго сказала:

«Ваньсин, ты всё ещё не понимаешь, в чём твоя ошибка? Был бы ты хотя бы наполовину таким же разумным, как твой брат, мне не пришлось бы так за тебя переживать!»

Увы, Тянь Ваньсин в пылу гнева не понял намёков. Крича, что мать его не любит и ему проще умереть, он сорвался с места и выбежал за ворота.

Чжан Мэйлин смотрела вслед удаляющейся фигуре. Под ярким дневным солнцем её лицо стало мертвенно-бледным; она схватилась за лоб, у неё закружилась голова. Хэ Бянь отпустил её и отступил на полшага — лишившись опоры, она с глухим стуком рухнула на землю, потеряв сознание.

Хэбань долго стоял в оцепенении, не в силах прийти в себя. Вот так просто — от злости потеряла сознание?

Впрочем, неудивительно. Тянь Ваньсин опозорил семью своей тайной связью, Чжан Мэйлин сдерживалась, не выплёскивая гнев. А теперь он ещё и ударил её, да и не проявил ни капли испуга, ни сожаления, ни раскаяния — холодный и эгоистичный до крайности. Как бы она ни любила его, такое могло остудить сердце и довести до удара от гнева.

Та Чжан Мэйлин, которую он помнил — сильная, решительная, терпеливая и мягкая, — оказывается, тоже была такой хрупкой.

Эта первая маленькая победа словно влила в его растерянное сердце немного силы и уверенности.

Семья Чжан Мэйлин купила его, угнетала, довела до смерти — они задолжали ему.

После его смерти жители деревни Тянь всё ещё перемывали его косточки, обсуждая его гибель

— и они тоже ему задолжали.

В этом мире все ему задолжали. Даже само небо.

Лишь тот дурачок из развалившейся хижины на краю деревни когда-то проявил к нему доброту.

В прошлой жизни именно такие люди обвели его вокруг пальца, в конце концов бросив его тело в глуши, оставив блуждать одиноким духом десятки лет. При одной мысли об этом в глазах Хэ Бяня вспыхнула жгучая ненависть.

Он посмотрел на лежащую без сознания Чжан Мэйлин.

Он не даст ей просто так отделаться.

Рядом с огородом стоял ночной горшок, Хэ Бянь взял в одну руку палку, в другую — горшок.

Когда зловонная жидкость с резким запахом хлынула на лицо и тело Чжан Мэйлин, она с криком очнулась. Едва приоткрыв глаза, ещё ничего не понимая, она почувствовала, как на её лицо опустился грубый мешок.

Она даже не успела осознать, почему вокруг стало темно, как удар палкой по затылку снова лишил её сознания.

Она вновь погрузилась в беспмятство.

<http://bllate.org/book/17226/1612416>